УДК 1:93/94 (045)

«Третий Кант», или Кант-педагог

ХАЗИЕВ ВАЛЕРИЙ СЕМЕНОВИЧ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета, директор научно-исследовательского центра «Развитие мусульманского образования» при Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы
E-mail: khasievbspu@mail.ru

Аннотация. Иммануил Кант не только ученый и философ, но еще и простой обыватель. Но этому третьему Канту в литературе, посвященной его личной и творческой биографии, уделено очень мало внимания. В статье «О педагогике» можно увидеть, чем Кант-обыватель отличается от Канта-ученого и Канта-философа. Она написана ни с докритических, ни с критических позиций. В этой работе раскрывается «третий Кант», которого точнее было бы назвать «трагическим Кантом», в ней как в алхимическом тигле переплавлены личная и творческая жизни Канта, поставлен жирный крест на всем, что сделано им за два предыдущих периода жизни. Лишь в малой степени здесь присутствуют докритический и критический Кант. Перед нами предстает человек, один на один оказавшийся перед вечностью и бесконечностью, осознавший бессмысленность содеянного в прожитой жизни.

Ключевые слова: воспитание, дисциплина, нравственность, онтогенез, педагогика, педагогические насилии, свобода, совесть.

«Third Kant», or Kant-Teacher

VALERY S. KHAZIEV

Ph.D. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Bashkir State Pedagogical University, Director of the Research Center «The development of Islamic education» at the Bashkir State Pedagogical University, M. Akmulla
E-mail: khasievbspu@mail.ru

Abstract. I. Kant is known to be not only as a great scholar and philosopher but also as a seriously thinking layman. However, that third aspect of Kant's personality has been little, if at all, described in literature devoted to his creative activities. In his article «On Pedagogy» one can perceive in what way Kant the layman is different from Kant the scholar and Kant the philosopher. It is written with either subcritical or critically. This article reveals the «third Kant», which more accurately be called «tragic Kant», in it as in the alchemical crucible melted personal and creative life Kant put bold cross on everything that made them for two previous periods of life. Only marginally present here subcritical and critical Kant. Before us is a man who turned one on one before eternity and infinity, realized the futility of the offense in his past life.

Keywords: conscience; discipline; education; freedom; morality; ontogenesis; pedagogical violence; pedagogy.

Творчество родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта (1724–1804) принято делить на два периода: докритический и критический. Первый характеризуется выдвиганием гипотезы происхождения солнечной системы, объяснением приливов (отливов) влиянием Луны и замедления вращения Земли вокруг оси и другими работами в области научного познания. Второй период — это разработка «критической философии», принесшей его

автору славу великого мыслителя. Эти «два Канта» известны всем.

Но есть еще один Кант — обычный здравомыслящий человек, о котором говорят лишь тогда, когда вспоминают о странностях его личной жизни: от рождения слабое здоровье, не помешавшее ему, однако, прожить 80 лет; необычный распорядок дня и питания; чрезмерная регламентация всех дел; монотонная пунктуальность; отсутствие семьи и детей, что мешало ему весьма

категорично советовать, как учить и воспитывать детей, и пр. Этот «третий Кант» стоит особняком от первых двух, выпадая из поля зрения и внимания исследователей его духовного творчества.

Кант докритический — ученый. Критический — философ. Кант обычный человек — обыватель Кенигсберга, остающийся в тени первых двух, занятых познавательной и творческой деятельностью. «Третий Кант» занят лишь бытом и в дела первых двух вроде бы и не вмешивается. Но это не так, даже совсем не так. «Третий Кант» тоже мыслит, рассуждает, тоже присутствует в творческой биографии как самостоятельная интеллектуальная позиция. Кант-обыватель не просто биологическое тело, прислуживающее первым двум, а самостоятельный мыслитель.

Показать «третьего Канта» на фоне двух его знаменитых ипостасей — цель данной статьи. Для ее достижения мы выбрали область деятельности Канта, которая по непонятной причине остается мало исследованной, — педагогику. Странность в том, что, во-первых, Кант всю жизнь проработал педагогом, во-вторых, он два десятка лет читал курс педагогики, в-третьих, в конце жизни, в 1803 г., написал престранную статью (не завещание ли или анализ итогов всей жизни?..) «О педагогике» [1]. Об этой работе и пойдет речь, чтобы наиболее выпукло показать весь трагизм долгой однообразной жизни кенигсбергского мыслителя.

После прочтения множества научных работ, участия в многочисленных конференциях и конгрессах, посвященных Канту, может сложиться впечатление, что он состоял из одного мозга, что Канта-человека вовсе и не было. Кто в этом виноват, сам ли ученый или его адепты и исследователи, сказать трудно. Вероятнее всего, приверженцы и поклонники, которые выхолащивают из творческой жизни Канта его «бытие». Сам же Кант демонстрирует его и в докритический, и в критический периоды.

Статья «О педагогике» написана ни с докритических, ни с критических позиций. В этой работе раскрывается «третий Кант», которого точнее было бы назвать «трагическим Кантом», в ней как в алхимическом тигле переплавлены личная и творческая жизни Канта, поставлен жирный крест на всем, что сделано им за два предыдущих периода жизни. Лишь в малой степени здесь присутствуют докритический и критический Кант. Перед нами предстает человек, один на один оказавшийся перед вечностью и бесконечностью,

осознавший бессмысленность содеянного в прожитой жизни. В статье «О педагогике» взгляд на онтогенез с позиций обыденного сознания свидетельствует, что в конце пути вдруг пришло озарение, что жизнь каждого из нас, какая бы она ни была — веселая или скучная, долгая или короткая, благополучная или нет, словом, любая, — она ноуменальна. Причем не вообще, не для других, а прежде всего для себя! Никто и никогда не узнает, кто он на самом деле. Никто не узнает самого себя, своего «я», как бы он ни прожил жизнь — в творческих поисках или ведя асоциальный образ жизни. Все суета и бессмыслица! Этой статьей, на наш взгляд, Кант размашисто перечеркнул всю свою жизнь, осознав, стоя у порога вечности, суетность и тщетность индивидуального бытия. Он понял, что сотворенное все им не имеет значения ни для него, ни для других. «Все суета и томление духа» — таков жизненный итог бедного «старика Иммануила».

Конечно, можно найти разные конъюнктурные причины и объяснения публикации статьи «О педагогике». Но то, что она стала итоговой, не случайно. Он словно хотел сказать, что все сделанное им прежде как ученым, философом пасует перед истинами обыденного бытия и сознания. Высшая мудрость бытия состоит в обыденном взгляде на вещи, каким Кант видит в этой статье то, как формируется человеческое сознание, в котором есть и априорные схемы чувственного познания, и трансцендентальная логика (трансцендентальная аналитика и трансцендентальная диалектика), и трансцендентальная апперцепция и все остальное, что можно найти в «чистом и практическом сознании» (по Канту). Ни докритическое (научное), ни критическое (философское) познание не могут дать ничего более глубокого, чем житейский взгляд на такую «вещь в себе», как онтогенез (социализация и индивидуализация человеческого детеныша). Эта статья, анализ которой сделан ниже, полна совершенно не критических, обывательских размышлений о том, как из новорожденного человеческого детеныша формируется разумный человек. Статья «О педагогике» — это шедевр мировой гуманистической педагогики, в ней спрессованы итоги духовной жизни искреннего и честного человека, ученого и философа.

Критическая философия Канта — это методологический тупик, из которого каждый может рыть свою философскую туннель в любом направлении, куда захочет и куда сможет. Поэтому

кантовская критическая философия может казаться, если пользоваться терминологией постмодернистской философии, нарративным фундаментом всех философских течений XIX–XX вв. Критическая философия есть та точка, от которой все разбегаются в разные стороны, независимо друг от друга и от Канта. С этой точки рукой подать до Гегеля и Шопенгауэра, Маркса и Ницше; еще ближе — до экзистенциалистов и прагматиков. Если говорить о свободе выбора вектора развития философской мысли, то рационализм и иррационализм одинаково равнодушны к критической философии Канта, равно как и материализм или идеализм¹.

«О педагогике» — одна из последних работ И. Канта. Некоторые считают, что его педагогическая концепция не отличается оригинальностью и носит компилятивный характер, что, на наш взгляд, не соответствует действительности. Попробуем доказать, что работа Канта носит самостоятельный характер, что *это один из шедевров мировой гуманистической педагогики*.

Изучению звездного неба и нравственного закона внутри человека Кант посвятил всю свою жизнь. С небом Кант более или менее разобрался в «докритический» период. Нравственный закон внутри нас стал предметом его исследования в «критический» период его биографии.

Выяснив, что ни в чувствах, ни в рассудке, ни в разуме, ни в социальной и природной действительности нет источников моральных принципов, законов, категорий и норм, Кант нашел единственный, по его мнению, источник нравственного категорического императива — Бога. «Если не соединять религии с моральностью, то религия обращается в снискание милости» [1, с. 499]. Эту мысль И. Канта перефразирует Ф.М. Достоевский. Устами своего литературного героя Ивана Карамазова он скажет, что если нет Бога, то все дозволено. Но у Канта Бог — это вовсе не Бог какой бы то ни было конфессии, это Бог религии только в пределах разума [2, с. 78]. Педагогическая концепция Канта основана на нравственном категорическом императиве. По его мнению, воспитание² завершается формированием именно того,

что в человеке от Бога. Это и есть практическое, или моральное, воспитание. Подчеркнем: моральное воспитание у Канта — не цель педагогики, которая значительно шире, а именно лишь завершающий этап; кроме которого есть еще уход (попечение, содержание), дисциплина (выдержка), обучение вместе с образованием, физическое воспитание. Соответственно каждому этапу «человек бывает грудным младенцем, питомцем и учеником» [1, с. 445].

В самом общем виде Кант делит воспитание на два этапа: физическое и практическое, которые имеют свою внутреннюю структуру. По средствам физическое (как телесное, так и духовное) воспитание опирается на дисциплину, а практическое — в основном на свободу.

Рассмотрим хотя бы схематично каждую из этих ступеней онтогенеза.

Физическое воспитание начинается с ухода (попечения, содержания). «Под уходом понимается, — пишет Кант, — забота родителей о том, чтобы дети не обращали своих сил во вред себе» [1, с. 445]. Первое, что представляется при чтении этих слов, это санитарный уход — необходимость следить, чтобы ребенок не упал, не поцарапал себе личико и т.п. Безусловно, все это входит в «уход» (попечение, содержание), но этим дело не исчерпывается. Данные функции Кант относит к физическому воспитанию, которое «представляет собой, собственно, только уход со стороны родителей, кормилиц или нянек» [1, с. 461]. Но все обстоит глубже и сложнее. Далее по тексту статьи становится ясно, что речь идет о том, чтобы педагогика не позволила человеческому детенышу сохранить, закрепить и развивать те жалкие остатки зоологических (биологических, естественно-природных) инстинктов, с которыми он появляется на свет. «Жалкие» потому, что совокупность этих инстинктов, в отличие от инстинктов детенышей животных, не обеспечивает ребенку ни выживания, ни приобретения свойств, присущих человеческой природе, их хватает лишь на обеспечение насущных физиологических потребностей. Но и они, по мысли Канта, должны быть заторможены и заменены социальными способами поведения. Первая задача попечения (ухода) состоит в том, чтобы не дать новорожденному ребенку закрепить и развить зоологические стимулы (детерминанты) жизнедеятельности. Если они будут развиваться, то нанесут вред социализации и индивидуализации ребенка.

¹ В сказанном нетрудно убедиться при чтении трудов по всем этим направлениям, авторы которых, зачастую имея диаметрально противоположные взгляды, ссылаются на Канта как на одного из своих авторитетов.

² Для Канта педагогика и воспитание в статье «О педагогике» синонимичны.

Не давать ребенку обращать свои силы себе во вред — это значит не давать ему становиться зоологическим существом в ущерб возможности сформировать социальные способы жизнедеятельности. С первых секунд жизни человека педагогика (воспитание) начинает борьбу за его социальное бытие. И борьба эта есть насилие — запрет, торможение, отмена, усечение, абортрование, замена и т. д. чисто биологических способов жизни (не ходить на четвереньках, не лакать и пр.). Это касается даже таких естественных актов, как способ дышать, смотреть, слушать, нюхать и пр. Кант специально оговаривает, что все эти ограничения не должны уродовать ребенка физически. Например, пеленание есть запрет на наиболее удобное положение с точки зрения механики скелета и мышц, при этом пеленание не должно приводить к искривлению скелета ребенка. Родители должны думать не столько о собственном удобстве, сколько о пользе малыша [1, с. 463]. Попечение (уход, содержание) должно обеспечивать не только санитарное благополучие ребенка, но и замену биологических детерминант жизни социальными. Для того чтобы приобрести «свойства, присущие человеческой природе» [1, с. 445], новорожденному малышу обязательно нужна социальная (педагогическая) среда. В отличие от детенышей животных ребенок вне общества никогда не приобретет видовых признаков человека, прежде всего разума, без которого он никогда не достигнет человеческого уровня развития, ибо изначально человек «склонен ко всем порокам, так как обладает возбуждающими его склонностями и инстинктами» [1, с. 497].

Таким образом, первый педагог — это социальная (культурная) среда в лице родителей, которые с первых мгновений жизни малыша начинают (должны!) обеспечивать ему уход, т. е. не дают ему обращать свои силы во вред себе. Для этого родители должны совершать акт постоянного насилия над стремящимися закрепиться зоологическими инстинктами ребенка, не причиняя при этом вреда его нормальному телесному развитию. Если этого не делать, возникнут проблемы в дальнейшей социализации и индивидуализации малыша. Набирающие силу зоологические стимулы будет все труднее отменять и заменять социальными формами и способами поведения, «потому что... легко укореняются такие недостатки, которые делают всякую воспитательную работу напрасной» [1, с. 460].

Уход (попечение, содержание) на первых этапах жизни ребенка блокирует его зоологические стимулы бытия и заменяет их социальными. Быть спеленытым, одетым, есть ложкой из тарелки, умываться, купаться, передвигаться бипедальным (двуногим) способом и еще многое другое есть то насильственное требование педагогики (воспитания), которое не позволяет человеческому детенышу остаться зоологическим существом, выводит его на путь становления человеком. С первых мгновений нашей жизни физическое воспитание сопровождается прагматическим и, в перспективе, нравственным образованием. Нельзя не отметить неоднозначность приводимых Кантом примеров: «дети простых людей распушены больше, чем дети знатных» [1, с. 464], «детям в России их матери дают пить даже водку, потому что сами ее любят» [1, с. 462], «дети даже не могут сильно ушибиться при падении, им нисколько не вредит, если они упадут» [1, с. 466.], «вредно для детей чтение романов, так как от них нет никакой пользы» [1, с. 477].

Конечно, с человеком, который никогда не держал в руках собственного ребенка, можно спорить по поводу конкретных рекомендаций физического воспитания, но суть логики онтогенеза Кант излагает достаточно аргументированно.

Требование запретить зоостимулы находит выражение и в категории «дисциплина», которая продолжает насильственную суть педагогики. «Дисциплина подчиняет человека законам человечности и заставляет его чувствовать власть законов» [1, с. 446]. Биологические потенции человека не уступают свои позиции без боя, они начинают прорываться на социальную поверхность жизни в облике приобретенных культурных норм и средств. Например, речь можно использовать для создания поэтических стихов, а можно и для нецензурной ругани. Ловкость рук одинаково может пригодиться как для игры на фортепиано, так и для того, что Кант называет дикостью — картежного шулерства, «работы» карманника. Дикость, проявление животной природы в социальной внешней форме, есть «независимость от законов» [1, с. 446]. А дисциплина насильственно требует подчинения культурным нормам, законам социального бытия. Здесь начинается уже «образование характера», которое, как утверждает Кант, «до известной степени можно назвать физическим» [1, с. 468]. Дисциплина — генетически вторая форма педагогики, ее обеспечивают

сначала родители, затем другие люди, общество. Это внешняя дисциплина обязательна. Если педагогика упустит этот этап, то позже окажется, что ребенок обратил свои естественные силы во вред самому себе, на пути, на котором становятся культурным, социальным существом, возникнут препятствия.

Кант понимает, что педагогические насилия может обернуться благим намерением, ведущим в ад, т.е. вместо социально активного и разумного (творческого) человека будет сформировано рабское существо, лишённое творческой воли. Он пишет: «Дисциплина не есть что-либо рабское; ребенок должен всегда чувствовать свою свободу, но только так, чтобы не мешать свободе других; поэтому он должен встречать противодействие» [1, с. 468]. Кант справедливо считает, что дикость может быть не только в результате прорыва зоологических стимулов в область культурного поведения, но и в результате неправильного воспитания. «Причина многих людских слабостей не в том, что человека ничему не научили, а в том, что ему внушили ложные впечатления», — пишет он, отмечая, что часто в народе говорят, что знатные люди смотрят по-царски. «Но это, в сущности, не что иное, как просто дерзкий взгляд, к которому они привыкли с детства, потому что тогда им не противоречили» [1, с. 470].

Как известно, количество переходит в качество. «Свойства, присущие человеческой природе», накопленные под игом внешней дисциплины, превращаются в качественно иной вид дисциплины — дисциплину внутреннюю. Если не была или была недостаточной, неразумной внешняя дисциплина, то у ребенка будут трудности с дисциплиной внутренней. То есть ему трудно будет укрощать свою дикость самостоятельно, у него не хватит сил и средств для подавления своих зоологических стимулов жизнедеятельности. Инстинкты будут прорываться через разум. К сожалению, людей, которые мучают других и сами страдают от бессилия перед собственными животными мотивациями, желаниями, стимулами, потребностями, немало. Дикость внутренняя, т.е. не укрощенная внутренней дисциплиной, постоянно превращается в дикость внешнюю. Психологическая дикость порождает асоциальное (в том числе и криминальное) поведение. «Поэтому человека следует заранее приучать подчиняться предписаниям разума. Если в молодости все предоставляли его воле и ни в чем не противодействовали, то

он сохраняет известную долю дикости в течение всей своей жизни» [1, с. 446]. К школьному возрасту внешняя дисциплина должна быть уже превращена в достаточно эффективную внутреннюю дисциплину, иначе дальнейший этап онтогенеза невозможен. «Человек нуждается в уходе и образовании. Образование включает в себя дисциплину и обучение» [1, с. 447]. Когда ребенок обладает внутренней дисциплиной, т.е. самостоятельно может укрощать свои животные стимулы, у него возникает потребность в широком ассортименте социальных форм жизнедеятельности, в обучении.

Обучение есть продолжение педагогики как насилия. Однако здесь уже есть особенности. В процессе обучения на человека направлены два вектора насилия: извне и изнутри. Учитель дает знания, которые ребенок должен усвоить, и при этом ему нужно проявить волю, чтобы настроить себя на усвоение этих знаний. Дикость в форме лени, консерватизма мышления и т.п. продолжает борьбу с педагогикой. В процессе обучения против дикости должны возникнуть союз учителя и ученика, некий союз внешней и внутренней дисциплин. «... Недостаток в дисциплине и обучении у некоторых людей делает их, в свою очередь, плохими воспитателями своих питомцев» [1, с. 447], прежде всего своих детей, ибо первые педагоги для ребенка — его родители. «Тот, кто не культурен — груб, кто не дисциплинирован — дик» [1, с. 449].

Кант считает, что упущения в дисциплине представляют большее зло, чем в культуре, именно потому, что в последнем случае еще можно что-то исправить и наверстать, а дикость как более раннюю форму закрепления зоологических стимулов бытия исправить труднее, если это вообще возможно.

Следует отметить два момента. Во-первых, Кант отдает себе отчет в том, что его «теория воспитания — прекрасный идеал, и не беда, если мы не в состоянии тотчас же осуществить его» [1, с. 448]. Во-вторых, человек по *своей природе, естеству* таков, что лишь его можно социализировать и индивидуализировать. Другими словами, новорожденный человеческий детеныш имеет не только несовершенные для выживания инстинкты, но еще и *природную возможность* стать не зоологическим, а социальным существом. И блокируя зоологические стимулы бытия, педагогика вовсе не противоречит естественной природе человека, а развивает ее.

Естественная природа обрекает животных оставаться зоологическими и только зоологическими существами. Естественная же природа человеческого вида предполагает именно социальный естественный путь видового развития. «В человечестве заключено много задатков, и наша задача — пропорционально развивать природные способности и раскрывать свойства человека из самых зародышей, делая так, чтобы человек достигал своего назначения» [1, с. 449]. Снова и снова Кант подчеркивает, что хотя педагогика и есть постоянное насилие, нужно учитывать возрастающую сознательную активность ребенка в формировании как своих физических, так и духовных качеств.

Педагогика должна творчески и конкретно сочетать насилие и свободу во всем. «Иной раз ребенок сам достаточно находчив, или же он сам придумывает себе для этого средства» [1, с. 471]. Это отчетливо просматривается в детских играх, которые, по мнению Канта, есть тренировка и развитие различных культурных потребностей, в том числе основы будущего нравственного императива, ибо «ребенок не должен мешать обществу, но он не должен и подделываться под него» [1, с. 473]. Мир достаточно велик, чтобы всем хватило места.

Продолжая мысль о насильственной природе педагогики (воспитания), Кант пишет: «Школа есть принудительная культура. Крайне вредно приучать ребенка смотреть на все, как на игру» [1, с. 476]. Интересна мысль Канта об игре: с одной стороны, игра — естественная форма социализации и индивидуализации ребенка, с другой — не управляемо развивающаяся игра может стать почвой роста дикости.

Обучение всем культурным достижениям человечества — это идеал. Но даже то, что уже усвоено ребенком, должно быть приложено к практике реального конкретно-исторического бытия, чтобы эти знания «годились для современной жизненной обстановки, хотя бы и далекой от совершенства» [1, с. 452].

Следующий шаг в онтогенезе — *приобретение навыков*, т.е. способности, достаточной для любых целей. «Из-за множества целей число навыков простирается до бесконечности» [1, с. 454]. Сплав достигнутого на пути онтогенеза с помощью педагогики приводит человека к этапу цивилизованности, для которой «необходимы манеры, вежливость и известный такт, обладая которыми, можно пользоваться всеми людьми для своих конечных целей» [1, с. 454].

Оставим в стороне проблему добра и зла в концепции Канта [3]. Отметим лишь, что цивилизованный человек не только сам не совершит зло, но и сумеет не стать жертвой злых людей. «Человек должен не только быть пригодным для всякого рода целей, но и выработать такой образ мыслей, чтобы избирать исключительно добрые цели. Добрые цели есть такие, которые по необходимости одобряются всеми и могут быть в одно и то же время целями каждого» [1, с. 454].

Кант критически оценивал свою эпоху. «Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизованности, но еще далеко не в эпоху распространения нравственности. О настоящем положении людей можно сказать, что благоденствие государств растет вместе с несчастьем людей» [1, с. 455]. В мире почти ничего не изменилось со времен Канта. И сегодня проблема нравственности не абстрактный вопрос, речь идет о счастье людей, которое невозможно без нравственности и мудрости. И именно в такой (по значимости) последовательности, хотя у Канта эти категории идут в обратном порядке.

Проявление в человеке божественности (нравственного категорического императива) есть задача не духовенства, а светской педагогики, считает Кант. Мы должны ценить добро не потому, что этого требует Бог, а ради внутреннего достоинства. Если в человеке нет божественного категорического императива, сформированного светским образом, то «человек может быть очень хорошо развит физически, он может быть весьма образован умственно, но при этом не развит нравственно, т.е. быть злым созданием» [1, с. 474]. Кант склоняется к тому, что в процессе онтогенеза страх перед Создателем, скорее, мешает человеку, чем помогает, ибо «нельзя стать угодным Высшему Существо, не становясь лучшим человеком» [1, с. 499].

Таким образом, педагогика, или воспитание, оперирует тремя уровнями образованности:

- школьным, который «носит дидактический характер (наставник)» [1, с. 459];
- прагматическим, где достигается разумность (воспитатель);
- моральным.

Эти ступени онтогенеза, по мысли Канта, есть восхождение ребенка от индивидуального человеческого бытия через гражданское бытие конкретно-исторического социума до общечеловеческого. Ученый пишет: «Школьное образование, или обучение, необходимо человеку, чтобы уметь

достигать всех своих целей. Оно придает ему ценность в его собственных глазах, потому что он может рассматривать себя как личность. Если им руководят в приобретении разумности, из него выходит гражданин и он получает общественную ценность. Тогда он учится руководить обществом сообразно своим целям и самому приспособляться к гражданскому обществу. Благодаря моральному образованию, наконец, он приобретает ценность с общечеловеческой точки зрения» [1, с. 460].

Нравственное воспитание ребенка, по мысли Канта, невозможно без свободы. «Тогда она основывается не на дисциплине, но на принципах. Все испорчено, если захотят основать ее на примерах, угрозах, наказаниях и т.п.» [1, с. 479]. Доминирование свободы над дисциплиной по Канту возникает при переходе от физического (телесного и душевного) образования к практическому (моральному) образованию. Уже при воспитании разума «следует поступать по-сократовски, который... показывал примеры того, как даже у пожилых людей можно кое-что извлечь из их собственного разума» [1, с. 481]. Педагогика, которая есть постоянное насилие, все время носит в походном ранце обещание свободы, которую получит человек, достигнув половой зрелости и цивилизованной нравственности. Моральная культура «должна основываться на принципах, не на дисциплине» [1, с. 484]. При этом Кант связывает начало педагогики с финишем. То, что в начале онтогенеза было естественной видовой особенностью человека, на финише педагогики становится реальностью. Принципы не привносятся в бытие человека, они «должны рождаться в самом человеке» [1, с. 484] — сначала принципы школы, потом принципы человечества. Принципы «такие же законы, но субъективные; они проистекают из собственного ума человека» [1, с. 485]. Моральное воспитание обеспечивает добровольное подчинение человека субъективным законам своего разума. Это послушание приобретает для него характер необходимости, категорического императива. Но даже на этом этапе жизни человека остается необходимость в дисциплине, контроле. Но теперь эта дисциплина носит уже иной характер. Нравственная дисциплина — это прежде всего внутренняя и собственная сила. Она имеет свободный характер, хотя может быть подкреплена нравственным наказанием — внешним (презрением, бойкотом) и внутренним (стыдом). Такое наказание, во-первых, естественно, во-вторых,

происходит по неотвратимой необходимости, т.е. категорично. Нравственное воспитание есть выработка морального характера, включающего «обязанности по отношению к себе самому и другим» [1, с. 493].

Обязанности по отношению к самому себе могут быть как телесного, так и духовного характера. Главное их назначение — свободное запрещение человеком самому себе быть зоологическим существом, запрещение всех форм дикости, к которым Кант относит пьянство, «противоестественные грехи», все виды невоздержанности, что «ставит человека гораздо ниже животных» [1, с. 493], а также лесть, подхалимство, потерю достоинства и чести, зависть, честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, сладострастие, неблагодарность, скупость, расточительность, бесстыдство, наглость, лживость, жадность и другие психологические и социальные аномалии. В общем виде обязанность к самому себе означает *сохранение своего человеческого достоинства при всех возможных поворотах судьбы*.

В обязанности по отношению к другим людям Кант включает почтение и уважение к естественным правам человека. Для обучения этому Кант предлагает ввести в школах «катехизис права», где были бы расписаны основные права людей с позиций человечества в целом, а также такие человеческие добродетели, как великодушие, самообладание, благотворительность, правдивость, пристойность, миролюбие, честность, умеренность. Человек становится моральным, поднявшись до уровня разумения своих обязанностей и закона. «Закон, живущий в нас, называется совестью», но ее «упреки останутся без последствий, если не смотреть на нее как на представительницу Бога, который ... судит внутри нас» [1, с. 493].

Человек подобен Богу: он может создать (родить) телесного человеческого детеныша и дать ему то, что есть в людях от Бога, т.е. нравственность, совесть. Поэтому педагогика должна дать человеку свободу после 16 лет самому стать родителем и педагогом.

Литература

1. Кант И. О педагогике // Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980. — 712 с.
2. Кант И. Религия в пределах только разума / Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980. — 712 с.
3. Хазиев В.С. Добро и зло в педагогике (версия И. Канта) // Образование и наука. — 2003. — № 4 (22).